

лашь? Должно повиновашься закону необходимости!
Durum, сказалъ Горацій, *sed levius fit patientiâ*
quidquid corrigere est nefias (*). И такъ, пусть это
Римское *patientia*, а Руское *терпѣніе*, будетъ моимъ
якоремъ. Не знаю, не сорвешъ ли налешный порывъ
вихря челнокъ мой; впрочемъ, какъ бы то ни было,
близъ Васъ и далеко отъ Васъ я навсегда останусь
Вашимъ поклонникомъ. Прощайте, безцѣнная моя
Эльвира! и вспоминайте подъ часъ о помъ, для
кошораго Вы спали теперь почти однимъ
шолько — сновидѣніемъ очаровашельнымъ!

Олимпъ.

П а р и з и н а.

Историческая Повесть.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Предисловіе.

Сія Поэма основана на одномъ происшествіи,
разсказанномъ Гиббономъ въ его *Древностяхъ Браун-*
швейскаго Дома. Боюсь, что въ наши новыя вре-
мена, мѣлочная причудливость Чипшелей найдетъ
такой предметъ недостойнымъ Поэзіи.

Драматическіе Поэты Греціи и нѣкоторыя изъ
старинныхъ лучшихъ Писателей Англій совсѣмъ
не такъ мыслили. И недавно еще *Альфieri* и *Шил-*

---

*) Lib. I. Od. XXIV. *ad Virgil.*

лгъ доказали, что они одного мнѣнія со мною. Выписка, здѣсь предлагаемая, изъяснишь случай, взявшій за основаніе моего Спихотворенія. Имя *Никомал III*, весьма не-Піяшическое, замѣнилъ я именемъ *Азо*.

„Въ Царствованіе *Никомал III*, Феррара была свѣдѣтельницаю кроваваго зрѣлища въ семействѣ своего Государя. Маркизь *д'Эсте*, по доносу одного изъ своихъ Придворныхъ, началъ замѣчать за своею супругою *Паризиню* и, къ несчастію, собственными глазами удостовѣрился въ преступной связи ея съ побочнымъ своимъ сыномъ, *Гюгомъ Беати*, храбрымъ юношею. По приговору оскорбленнаго отца и супруга, опрублены имъ обоимъ головы. Сія казнь сдѣлала его позоръ гласнымъ. Герцогъ пережилъ свое несчастіе: великое, если они дѣйствительно были виновны; несравненно большее, если они были невиновны. Я съ своей стороны ни въ шомъ, ни въ другомъ случаѣ, не могу одобритъ сіе въ ужасъ приводящее мщеніе родителя и супруга.“ (*Гиббонъ, Сильс*.)

Паризина.

I.

Настала часъ, въ которой соловей разсыпаетъ сладкія прели свои въ роуцъ и любовь шопомомъ общаетъ шайное свиданіе. Вѣяніе вѣсперка, шумъ воды очаровываютъ уединеннаго мечшашеля; цвѣшмы освѣжаются спудеными каплями росы; звѣзды сіяють въ шемноголубомъ эаирѣ и опражаются въ водахъ. Зелень листьевъ чернѣетъ; на небѣ царствуетъ и

свѣтъ и тѣнь; сей сумракъ, столь чистый и столь сладостный, видимый вечеромъ, въ то время, какъ заря пошухаетъ, а дѣсяць ярчѣ загорается.

II.

Не внимаешь ли шумъ водоската выходитъ *Паряжна* изъ черногова владышеля Эстскаго? Не созерцаешь ли тихое сіяніе звѣздъ углубляется она въ стѣнь дремучую? Не сорвешь ли благовонный цвѣшонокъ она у цвѣтника остановилася? Нѣтъ, она не слушаетъ соловья: шорохъ въ кустахъ, ею слышимый, ей пріятнѣе. Кто-то приближается. Чело ея поблѣднѣло и сердце чаще забилося. Сладкій голосъ тихо кличетъ ее, сливаясь съ шепетомъ листвьевъ. Румянецъ снова разцвѣлъ на ея щекахъ и сердце скалось. Еще мигъ — и они вмѣстѣ: любовникъ ея близко; онъ у ногъ ея.

III.

Миръ исчезъ для нихъ и полетъ времени незамѣтенъ. Существа живыя, небо, земля не существуютъ ни для взоровъ, ни для сердець ихъ. Равнодушны для всего, ихъ окружающаго, какъ мертвые; для всего, что у нихъ надъ головой и подъ ногами, какъ будто бы все умерло, они дышатъ одинъ другимъ; ихъ вздохи полны сладости. Ихъ упоеніе столь велико, что еслибъ жаръ ихъ упоенія *не здѣлался умьреннѣе*: онъ сжегъ бы сердца, въ копорыхъ пылаешь. Но мысль о преступленіи, объ опасности, не нарушаетъ ли сего счастливаго *вмьлеть*, сей сладостной забывчивости? Ахъ! Тотъ,

кто любить, шопъ не вѣдаешъ ни страха, ни сомнѣнія, — лишь бы увидѣшься! Онъ не думаетъ, что наслажденіе дано намъ на мигъ, что оно промчишься — и невозвратно! Мы пробуждаемся прежде, нежели успѣемъ увѣриться, что не возвращаясь наши плѣнительныя сновидѣнія.

IV.

Съ помными глазами оставляющъ они пріюмъ любви; надѣюся на близкое свиданіе, клянутся въ страсти; но печальна душа ихъ, какъ будто бы они на вѣки разлучаются. Сіяніе луны облеснуло чело *Паризины*; она боится, что нѣкогда напрасно будешъ умолять Небо о милосердіи; ей казалось, что звѣзды, свидѣтели ея пресупленія, глядящъ на нее, какъ обвинители. Часные вздохи, продолжительные поцѣлуи, уста, которыя прильнувъ не хотящъ разстаться, еще удерживающъ ихъ вмѣстѣ. Но должно разстаться. Сердца ихъ сжаты и шрепещущъ; по жиламъ ихъ пробѣжала дрожь, обыкновенное слѣдствіе содѣяннаго пресупленія.

V.

Гюгъ пробрался въ уединенную свою спальню, куда страшъ въ мечтахъ приглашаетъ супругу другаго. *Паризина* идешъ успокоить преступную главу на сердце доврчиваго супруга: лихорадочный бредъ шревожидъ покой ея. Ошъ грезъ, волнующихъ кровь ея, живая краска просупнаешъ на щекахъ; изъ устъ ея вылетѣло такое имя, которое на яву произнесшъ она бы не осмѣлилась. Прижимаешъ супруга къ груди,

спрастію къ другому препенущей; горячія лобзанія пробудили *Азо* и мысленно счастливый, онъ воображаешь себя по прежнему предметомъ ласкъ и вздоховъ; въ заблужденіи, онъ гошовъ плакашь ошь любви къ шой, кошорая даже и во время сна имъ шолько занимаешься.

VI.

Онъ обнимаешь *Паризину* и чупкимъ ухомъ прислушиваешься къ прерывчашымъ словамъ ея; ему чудиться... Внезапный ужась поразиль его; Принць *Азо* оцепѣнѣль, какъ бы услышалъ шрубу Архангела. Зачѣмъ эшо не послѣдній, спрашний день? Звукъ, ошь кошораго раскроется его могила и самъ онъ ошь смершнаго сна пробудиться, чшобы предсташъ предъ вѣчнаго Судію, не сильнѣе попрыасешь его душу. Совершилось! Съ сего времени нѣшь для него на землѣ счастья. Сіе имя, во снѣ *Паризиною* призываемое, свидѣтельствувешь его сшѣдь и ея поношеніе. Чѣе имя подымаешь дыбомъ власы и сокрушаешь его душу, какъ ревуцій валъ сокрушаешь ушлый челнокъ и въ черной безднѣ пошопляешь плавашеля? Имя *Гюга* — его сына, рожденнаго шюю, кошорую любиль онъ въ молодоспи, плодь беззаконной любви; его произвела на свѣшь легковѣрная *Бланка*, повѣрившая любовнымъ увѣреніямъ Принца, кошорый не могъ ошдашь ей свою руку.

VII.

Азо схвашилъ со сшѣны кинжалъ, вынулъ до полножень — и ошашъ медленно вложилъ его. Она не

достойна жизни; но въ силахъ ли онъ умеривши прелестную женщину, спящую и сквозь сонъ улыбающуюся? Ему жаль разбудить ее; онъ усремля на нее взоръ, который оледѣнилъ бы ее смертнымъ хладомъ, еслибъ она открыла глаза и, при свѣтѣ лампы, увидѣла его гнѣвное чело, орошенное холоднымъ пошомъ! *Паризина* умолкла; но еще спитъ и не видитъ меча, надъ нею висящаго.

VIII.

На разсвѣтъ, *Азо* вывѣдываетъ роковую шайну отъ Придворныхъ: все открылось! Ему не остается ни малѣйшаго сомнѣнiя. Все свидѣтельствуешь слабость *Паризины* и позоръ ея супруга. Служительницы Принцессы, помогавшiя ей скрывать свои слабости, спѣшатъ, избѣгая наказанiя, набросить весь позоръ на свою повелительницу. Съ видомъ опкровенности, онъ рассказываетъ малѣйшiя обстоятельство. Ничего не остается болѣе знать его горестному сердцу.

IX.

Азо не любитъ медлить. Наслѣдникъ древняго владѣтельнаго Дома Князей Эстскихъ, окруженный Вельможами и шлохранителями, предсѣдаетъ онъ въ своемъ Совѣтѣ. Передъ нимъ оба преступника: шомъ и другая въ цвѣтѣ лѣтъ, шомъ и другая прелестны, очаровательны. Боже великiй! Сынъ обезоруженный, окованный, предстоитъ родителю, готовому во мнѣв произнести ему смертный при-

говоръ, а себѣ позоръ вѣчный. Гюгъ не пошерялъ духа, хотя и хранишь глубокое молчаніе.

X.

Безмолвна, какъ онъ и блѣдна, какъ мершва, *Паризина* швердо ожидаетъ своего приговора. О, какъ перемѣнилась ша, которой говорящіе взгляды разливали веселость въ черпогахъ Царскихъ! Давно ль Вельможи считали за честь, служить ей и красавицы учились подражать ея голосу, перенимали походку, осанку прелесшной своей повелительницы! Еслибъ одна слеза выкашилась изъ очей ея: тысяча мечей засверкали бы; тысяча Рыцарей явилась бы у ногъ ея; каждый искалъ бы, какъ верховнаго счастья, бытъ объявленнымъ ея защитникомъ, мстишлемъ ея оскорбшело. Какая незапная перемѣна! Гдѣ власъ ея? Будушь ли повиноваться ей Придворные? Кругомъ мершвое молчаніе, глаза опущены, брови воздымаются, руки сложены на груди крешомъ; всѣ, какъ будшо окаменѣлые, они едва удерживають на ушахъ негодованіе. Вотъ образъ Рыцарей, Дамъ и Придворныхъ! Юный Герой ея избранія, преклонявшій предъ нею коніе свое, котораго свободная рука съ опасностію жизни, выручила бы свою владычицу, обожаемый любовникомъ Принцессы спольлъ съ нею рядомъ; руки его скованы. Отъ не можешь видѣть очей, не сполько о собственномъ злосчастіи, но о бѣдственной участи друга проливающихся слезы. Вчера еще тонкія жилы слегка разрисовывали багрянцемъ ея бѣлыя вѣжды, манив-

шія поцѣлуи. Сегодня посиѣлыя, безжизненныя онѣ давящѣ, а не смыкающѣ сіи полуугасшія очи, полныя слезами.

XI.

Самъ Гюгъ плакалъ бы надъ нею; но всѣ взоры на него усмирены. Онѣ подавилъ печаль; на его челѣ видно нѣчто мрачное и презирающее. Онѣ спыдился показати себя распроганнымъ и шрепашати передъ толпою; но не смѣлъ возвести глазъ на *Паризину*. Воспоминаніе минувшихъ дней, его вины, его спраши, его настоящее положеніе, гнѣвъ родишеля, негодованіе всѣхъ людей добродѣтельныхъ, его участь на землѣ и на небѣ; судьба участницы его прешупленія: вопѣ мысли, шѣсняціяся въ головѣ его! Дерзнетъ ли онѣ возвести взоръ на чело, уже завянувшее, уже покрытое смершною блѣдностію? ... Ахъ, безъ сомнѣнія у него вырвалось бы признаніе въ прешупной связи; онѣ поспѣшилъ бы облегчить еовѣшъ.

XII.

Азо вѣщаль: „Вчера еще я гордился своею супругою и сыномъ. Пошпру сонѣ исчезъ. Прежде окончанія дня у меня не будешъ ни супруги, ни сына. Я осужденъ къ шоскѣ и одиночешву. Покоримся Судьбѣ: каждый на моемъ мѣстѣ шо же бы здѣлалъ. Не я разорвалъ узы, насъ связующія. Приговоръ подписанъ. Наказаніе гошово. Гюгъ! Священникъ ожидешъ тебя: ты получиши награду за прешупленіе. Прощай, молись о душѣ своей. Ошсрочиваю

казнь свою до вечерней звѣзды; даю тебѣ время, примиришься съ Богомъ, если сіе возможно. Его милосердіе безиредѣльно; на землѣ же нѣтъ уголка, гдѣ бы ты и я могли одинъ часъ дышать однимъ воздухомъ. Я не буду зрителемъ твоей казни; но ты, невѣрная, ты увидишь его обезглавленнаго. Прощай, вѣроломная и легкомысленная! Не я, ты проливаешь кровь Гюга. Переживи, если можешь, зрѣлище его казни. Наслаждайся жизнью, которую дарю тебѣ.“

XIII.

Сказавъ сіе, *Азо* закрылъ лице свое. Напруженныя жилы на челѣ его сильно билась, какъ будто бы кровь изъ всего тѣла прилила къ головѣ. Онъ преклонилъ голову и дрожащею рукою закрылъ глаза, какъ будто желая скрыть отъ зрителей то, что они выражали. Въ это время Гюгъ просеръ къ нему свои окованныя руки — и требовалъ слова. Принцъ молча далъ ему позволеніе:

„Я не боюсь смерти,“ сказалъ осужденный; „ты видѣлъ, какъ я рядомъ съ тобою мчался сквозь ужасы боя; мечъ никогда не оставался празднымъ въ рукѣ моей; сей мечъ, вырванный у меня своими воинами, болѣе за тебя пролилъ крови, нежели сколько прольешь ѣкира палача. Ты далъ мнѣ жизнь: ты власхень назадъ ее потребовашь. Я не благодарю тебя за этошь даръ. Бѣдствія махери моей живы въ душѣ моей: ея любовь ошвергнушая, честь поруганная, позоръ ея, дославшійся въ наслѣд-

снво ся сыну; она сошла въ могилу, куда и сынъ
ея — швой сынъ и соперникъ, скоро за нею послѣ-
дуешь. Его сердце, расширенное шбою; его голова,
опрубленная палачами, возвѣсшая въ Царствѣ
мертвыхъ итжность первой швоей спрасши и
ощеческую забощаивость. Правда, я оскорбилъ
шебя: но обида за обиду! Сія молодая супруга,
другая жершва швоей гордостши, была мнѣ назначена.
Ты эшо вѣдаешь! Ты увидѣлъ ее и пожелалъ ея
прелесшей. Посмѣваясь надъ моимъ рожденіемъ,
копорога весь спмдъ на шебя падаешь, шы выр-
валь у меня, какъ у недосшойнаго, руку *Парижши*.
Я не опъискивалъ права, носить швое имя, ни воз-
сѣшь на престоль Монарховъ, швоихъ предковъ.
Еслибъ мнѣ дозволено было, прожить еще нѣсколько
лѣтъ; шо я бы умѣлъ сдѣлать свое имя знаменитѣ
имени Принцовъ *Этскнхъ* и заслужить почести
собшвенными моими достоинствами. Я умѣлъ вла-
дѣть мечемъ: я надѣялся пріобрѣсти имъ шлемъ,
который не ушупилъ бы въ сіяніи ни одному изъ
украшающихъ чело Героевъ швоей крови. Самыя
блещашельныя шпоры не всегда вельможескимъ
сыновьямъ въ удѣлъ доставались; мои часто мчали,
какъ вихрь, коня моего и я, восклицая: *Этъ и*
побѣда, опереживалъ Принцовъ высокаго рода и
опрокидывалъ непріятеля.,,

„Не ищду оправдывашься въ випѣ моей, не хочу
расшрогать шебя и вымолишь опсрочку: нѣсколько
часовъ, нѣсколько дней ничего не значашь. Пусть

время пролепшишь надо мнѣмъ безчувственнымъ прахомъ! Несчастные, мучительные дни жизни моей не могли быть продолжительны. Подлю мое имя, подлю мое рожденіе: швоя надменность не рѣшилась облагородить шакаго, какъ я, человекъ. Но въ мнѣмъ чершахъ швоя чершы паходящъ; вся душа моя изъ швоей вылилась. Опъ швбя получалъ я сей дикій нравъ. Опъ швбя . . . Опъ чего ты вдругъ содругнулся? Точно шакъ! Опъ швбя насѣдовалъ я силу руки и пламень сердца! Не одну жизнь ты даровалъ мнѣ; все мои чувства облачаютъ швбя, моего родителя. Возри на слѣдствіе преступныхъ своихъ связей; Небо наказало швбя слишкомъ на швбя похожимъ сыномъ. Тебѣ нельзя опрѣчься опъ сына, котораго душа, какъ швоя, не укропима. Я подражалъ швбѣ въ употребленіи жизни, швбою на мигъ мнѣ данной и столь рановременно опнимаемой: надвинувъ шлемъ и поднявъ мечъ, мы не одинъ разъ вмѣстѣ устремляли копей своихъ по грудамъ кровавыхъ труновъ. Прошедшее ничшо; еще мигъ — и будущее будешь на него похоже. Зачѣмъ не умеръ я въ сраженіи? Ты погубилъ мать мою; ты опшилъ у меня невѣсту, мнѣ назначенную. Но ты опецъ: какъ бы жестоко ни былъ приговоръ шввой, онъ справедливъ. Жизнь моя началась постыдно, постыдно и кончилась. вина сына есть вина опца: во мнѣ ты обоихъ наказываешь. Въ глазахъ людей я кажусь виновнѣе; можешь быть, Сердцевѣдецъ смошришь на сіе дѣло иначе.“

XIV.

Сказаль — и скрестилъ зазвѣнѣвшія цѣпями руки. Сей печальный звукъ пронулъ всѣхъ находившихся въ собраніи. Но прелести *Паризины* поразили и пронули ихъ еще чувствительнѣе. Могла ли она хладнокровно выслушать приговоръ любовника, ею въ несчастіе вовлеченнаго? Ея смущенныя взоры блуждали по сторонамъ, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ; вѣжды ея не смыкались; мертвая близна разлилась около голубыхъ зрачковъ ея. Видя такую безчувственность, можно бы подумать, что кровь засыла въ ея жилахъ, еслибъ изрѣдка не выкапывались изъ глазъ ея слезы, какихъ не проливалъ ни одинъ смершній.

Она хотѣла говорить; но звуки голоса умирали на устахъ ея. Она вздохнула столь тяжко, что казалось, будто это смершній стонъ души ея. Слова напрягла всѣ силы; но не могла произнестъ ни одного внятнаго слова; пропяжно проспонала и упала, какъ испукавъ, низверженный съ своего подножія, болѣе похожая на трупъ безжизненный или на мраморъ, представляющій супругу Азо, нежели на сію прелестную преступницу, которой сердце могло забыться преступною любовью, но не въ силахъ было вынестъ своего стыда и опчаянія.... Она еще дышетъ... Слишкомъ скоро освободили ее ошь обморока; но умъ ея помѣшался. Всѣ органы чувствъ разстроены сильнымъ ударомъ и мозговидныя нервы передають мысли ея тускло и сбивчиво.

такъ ослабшая опъ дождя шепива невѣрно посылаешъ сирѣлы! Каршина прошедшаго для ней изглажена; оно омрачено густымъ шуманомъ, сквозь кошорый лучъ свѣша рѣдко проглядываешъ и озаряешъ весь ужась ея положенія. Такъ въ бурную ночь озаряешъ молнія пущыню, въ кошорой заблудился пупешешвенникъ!

Съ тайнымъ спрахомъ чувешвуешъ она мучительное бремя на сердцацъ: по холоду, по спѣсенію, она понимаешъ, что сшдыъ и прешупленіе его подавляющъ. Она воспоминаешъ, что смерть грозила поразишъ кого-шо; но кого? она забыла! Жива ли она? Земли ли касаешся ногами? Небо ли видишъ надъ своею головою? Человѣки или адскіе духи угрожающъ мрачными взорами шой, для кошорой улыбка на всѣхъ лицахъ расцвѣшала? Все смѣшано и неизьяснимо для ея души изступленной; все являешся ей хаосомъ надеждъ и спраховъ. Поперемѣнно шо плачешъ, шо смѣешся, но и въ плачъ и въ смѣхъ ея видно сумасшешвіе. Она думаешъ, что погружена въ сонъ судорожный: желашельно, чтошбъ она не пробуждалась какъ можно долѣе!

XV.

Прощажно и жалобно зашпонали колокола на сѣрой башнѣ монашшрской: они наполнили сердца горешшью. Уже слышны Псалмы погребальные: они сочинены для жштелей могилы и для шѣхъ, кошорые готовы сошши шуда. Сія пѣснь смерти, сей упылый звонъ колоколовъ прывающъ къ молишвѣ о

душѣ челоуѣка, на казнь осужденнаго; колѣнопрекло-
ненъ предъ монахомъ, на голой и холодной землѣ,
онъ близокъ къ вѣчной шемницѣ. О горе! Предъ
нимъ эшафотъ; справа окружають его и палачъ,
съ обнаженными руками, готовый къ удару вѣрному
и скорому, разсмаприваенъ оспріе сѣкиры. Народъ
въ безмолвномъ страхѣ сбѣгается, чтобы видѣть
казнь сына, отцемъ осужденнаго.

XVI.

Это происходило въ прекрасный лѣтній вечеръ,
при заходѣнн солнца, кошорое не должно бы освѣ-
щать днѣ споль злосчастнаго. Его послѣдніе лучи
упали на главу Гюга, въ ту минушу, когда онъ
окончилъ свою исповѣдь и голосомъ раскаянія скорбл
о своей участи, наклонился, чтобы принявъ въ
сердце священныя слова Божія служителя, имѣющія
силу смывашъ грѣхи. Въ ту минушу сіяніе дневнаго
свѣшила унало на разбросанныя кудри черныхъ во-
лось его, но еще лучезарнѣе, какъ грозная молнія,
блеснуло оно на убійственной сѣкирѣ. О какъ го-
ресненъ былъ сей послѣдній часъ! Ужась оледѣнилъ
всѣхъ зришелей. Преступленіе было велико, законъ
правъ и, не смотря на то, всѣ содрогнулася.

XVII.

Уже окончилъ свои молишвы сей сынъ вѣроломный,
сей любовникъ дерзосишній. Персты его перебрали
чешки и всѣ грѣхи его ошкрышы. Пробилъ послѣдній
часъ его: епанча упала съ плечь. Черные волосы
обрѣзаны. Шарфъ, подарокъ *Паризини*, съ кошорымъ

онъ никогда не разсѣивался, шеверъ не сойдешь съ нимъ въ могилу; его сняли и повязка готова закрѣпить глаза... Но нѣтъ! Онъ не допустишь столь постыднаго оскорбленія до благороднаго чела своего. Когда рука палача хопѣла завязать ему глаза, какъ будто бы не смѣвшие видѣть смерть близко, гордыя чувствованія сердца его, копорыя, судя по наружности, казались заглушенными, вдругъ до половины пробудились: онъ опшолкнулъ позорную повязку и вскричалъ съ негодоваемъ: „Нѣтъ! нѣтъ! я не до рожу ни кровью, ни жизнью. Ноги мои скованы; но умру съ свободными глазами. Руби!...“ Онъ умолкъ, положилъ голову на роковую плаху. „Руби!“ было послѣднее слово, имъ произнесенное. Воля его исполнена; взмахнушый поноръ упалъ; голова покашилась и кровавый прупъ оподвинулся. Изъ всѣхъ жилъ полилась кровь волнами. Глаза и усна зашрепешали; но сіи судороги были мгновенны.

Онъ умеръ, какъ пресшущикъ, но безъ ожесточенія; онъ молился на колѣняхъ, покарался своей участи, не опшвергалъ ушѣшений Вѣры и уповалъ на Божіе милосердіе. Когда склонилъ онъ голову на лоно служителя Олшаря, всѣ земные помыслы были чужды его сердцу. Въ эпошъ часъ онъ забылъ и раздраженнаго имъ опща и подругу свою несчастную. Ни жалобы, ни опщанія; всѣ мысли его къ Небу, всѣ слова его молитва. Послѣднее желаніе — умереть съ опкрытыми глазами, было единшвеннымъ его прощаніемъ съ зришелями его казни.

XVIII.

Безмолвны, какъ шощь, на уха кошораго смерть наложила печать свою, зришели едва смѣли дышашь. По вѣтмъ, опъ одного къ другому, какъ элекприческая искра, пробѣжала дрожь въ то мгновеніе, когда шопоръ звукнулъ — и прекратилъ и жизнь и любовь несчастнаго. Незапное оцепѣненіе остановило въ глубинѣ сердець спонъ, гошевый изъ нихъ вырвашься. Но отколъ сей крикъ безумія и ужаса, подобный жалобному воплю матери, лишившейся сына, незапнымъ ударомъ пораженнаго? Сей пронзительный вопль, какъ голосъ души, осужденной на вѣчныя муки, проникъ до неба. Онъ раздался изъ дворца *Азо*. Всѣ оглянулись: ничего невидно, ничего не слышно. Это вопль женщины — и никогда опчаяніе не выражалось споль жалобно. О еслибъ съ нимъ вмѣстѣ прекратилась и жизнь спрадалицы! Вопль единодушное желаніе всѣхъ соспрадательныхъ зришелей!

XIX.

Гюгъ погибъ — и съ шѣхъ поръ не видно *Паризны* ни въ садахъ, ни въ чершюгахъ. Имя ея, подобно шѣмъ спраннымъ словамъ, кошорые производашь спрахъ и смяшеніе, никогда не произношится: какъ будшо бы она никогда не существовала! Никогда Принць *Азо* не воспоминалъ ни о супругъ, ни о сынѣ; надъ шѣлами ихъ не воздвигнушо ни гробницы, ни памяшника; они преданы забвенію; прахъ ихъ, и особенно казеннаго, почишалея нечисшымъ; по

жребій *Парижны* остался безвѣстенъ, какъ спручь
ея въ шемномъ гробѣ.

Сокрылась ли она въ монастырь. дабы слезами
раскаянія умилошвивишь Бога и доспигнуть неба
спрудною дорогою поста и молишвы? Ядъ или кин-
жалъ положилъ конецъ пресшупной любви ея? Или
Небо, сжалася надъ ея муками, прекратило дни ея
въ пошь мигъ, когда увидѣла она попорь, опдѣлив-
шій голову ея возлюбленнаго? Никшо не вѣдаешъ и
никогда вѣдашь не будешъ! Какъ бы шо ни было,—
жизнь ея началась и пошухла въ слезахъ.

XX.

Азо взялъ другую суіругу — и добродѣшельные
сыновья окружили его спаросшь. Ни одинъ изъ нихъ
не равнялся красошою и храбростью съ шѣмъ, ко-
шпорый почивалъ во мракъ гроба. Можешъ бышь, ихъ
родишель смошрѣлъ на нихъ равнодушными глазами
и со вздохами, прошивъ его воли вырывавшимися;
но никогда слезы не орошали ланишь, никогда улыбка
не озаряла широкаго чела его, на кошоромъ рано
дума провела морщины: бразды, нарѣзанная паля-
щею горестію, слѣды ранъ душевнихъ. Для него
уже не сущесшвовали ни другія радости, ни другія
печали. Ночью сонъ ошлешалъ далеко ошь вѣждъ
его, дни помрачены были скорбью. Не чувствившель-
ное ни къ похвалѣ, ни къ порицанію сердце его
само себя убігало; но его спраданія жилъ съ нимъ
неразлучно. Когда казалось, что воспоминанія пе-
ресшавали шерзашъ его; шогда-шо и вгрызались онъ

глубже въ его сердце. Въ самый лютой морозъ только поверхность воды толстымъ льдомъ покрывается: подъ нимъ вода течетъ и не можеть остановиться. Душа *Азо* не могла вырвать черныхъ мыслей: онѣ пустили глубоко свои корни. Таковъ уставъ Природы! Тщешно спараемся мы осушить свои слезы: онѣ текутъ изъ сердца. Тщешно желаемъ заградить ихъ дорогу: сіи не излившіяся слезы обращаются къ своему источнику и накаплиются тамъ, хотя невидимыя, но еще чище, еще теплѣе и шѣмъ горче, что мы ихъ не замѣчаемъ.

Азо часто подсперегалъ въ сердцѣ своемъ возвратъ нѣжности къ шѣмъ, кошорыхъ казнилъ онѣ. Ему невозможно было наполнить пустошу, ими оставленную; ему не было надежды увидѣться съ предметами его горести, въ обители, гдѣ соединяются души праведниковъ. Несчастье гнало его до самой старости.

Когда искусная рука обрубаеть больныя ветви; то дерево становится еще зеленѣе, еще стѣншѣе. Но когда гнѣвный перунъ сожжеть его шрепещущіе сучья; тогда дерево засыхаетъ на корнѣ и болѣе не одѣвается листьями.

Я.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ОКТАБРЬ, 1824.

ПРОЗА.

Письмо о счастии.

Le pays des chimères est en ce monde le seul digne d'être habité, et tel est le néant des choses humaines, qu'hors l'être existant par lui-même, il n'y a rien de beau que ce qui n'est pas.

J. J. Rousseau.

Вы хопише, прелесная Эльвира, знашь мысли мои о *счастии*: понимаю Ваше намѣреніе и улыбаюсь невольню. Serai-je donc toujours accablé des vos brocards, madame? On ne peut être plus las que je le suis de vos injustices et de votre langue — говорю вмѣстѣ съ *Шольё*, другомъ *Лафара* (*). — „Вы любите часто философствовать, а я люблю иногда Васъ слушать. И такъ скажише, прошу Васъ, въ чемъ, по мнѣнію Вашему, состоитъ *счастіе*? По крайней мѣрѣ уведомише меня, къ какой Вы принадлежише школѣ, касательно *счастія*?“ — Прочитавъ эти Апшичскія спроки письма Вашего, я произнесъ невольнымъ образомъ слѣдующій стихъ *Демля*:

J'entends crier la dent de la lime mordante.

(*) Lettre XXXII à Mad. la Duchesse de Bouillon.